

КНИГА 2

7

ОТВАЖНАЯ СЕМЁРКА

и дом с семью окнами

ДМИТРИЙ ТАЙНОВ

6+

Дмитрий Тайнов

**Отважная семёрка и
дом с семью окнами**

«Автор»

2026

Тайнов Д.

Отважная семёрка и дом с семью окнами / Д. Тайнов — «Автор»,
2026

Дом на Заводской, семь, продают — а он не продаётся. У него семь окон, семь стульев на втором этаже и одна седьмая доля, которая принадлежит человеку, пропавшему без вести в шестьдесят первом году. Продать его нельзя — зато можно дать ему умереть: пустой дом гниёт быстро. И каждую ночь в забитом окне загорается свет. Кто-то его зажигает. А кто-то гасит. Клуб «Отважная семёрка» — Маша, Тимка, Поля, Гриша, Вера, Севка, Лёшка и такса Бублик — берётся выяснить кто. Восемь подозреваемых. Семь фонарей на старой тропе. Ключ с головкой-семёркой и двойное дно в фонаре. Детский список шестьдесят второго года. Мальчик, который живёт под полом. А ещё — пустой седьмой стул и собрание, на которое должны прийти семь человек, которых больше нет. Разгадка честная: все улики лежат на страницах, вычислить можно раньше героев. Для детей 7–11 лет и для тех, кто читает вслух.

© Тайнов Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Восьмой	5
Глава 2. Легенда старого дома	11
Глава 3. Заводская, семь	17
Глава 4. Стулья	22
Глава 5. Кто знает наши имена	28
Глава 6. Баба нюра	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Тайнов

Отважная семёрка и дом с семью окнами

Глава 1. Восьмой

— Проверка значков! — сказала Маша и три раза стукнула ложкой по кружке.

Дождь шёл третий день. Он стучал по крыше сарая так ровно, будто кто-то очень терпеливый перебирал горошины. В щели тянуло сыростью, и пахло мокрой доской, псиной и сухарями.

Значки полезли доставать все сразу.

— У меня, — сказала Вера.

— У меня, — сказал Гриша.

— У меня, — сказала Поля и посмотрела на всех, будто ждала, что кто-нибудь скажет «а может, не надо».

Никто не сказал. Поля вздохнула и повесила значок обратно на шею.

— У меня, — сказал Лёшка. — И я повторю то, что говорил в прошлом году, и в позапрошлом, и вообще всегда: мы проверяем значки, которые ни разу не терялись. Это как проверять, есть ли у тебя голова.

— Это ритуал, — сказала Маша.

— Это проверка головы.

— Лёшка.

— Молчу.

Севка, самый маленький, сидел на краешке стула и держал свой чёрный шнурок в кулаке. Он не проверял значок. Он его просто держал. И смотрел, как в кружке у Маши покачивается вода.

— Севка, — сказала Маша. — Ты где?

— Я посчитал, — сказал Севка.

— Что ты посчитал?

— Дождь. Он идёт третий день, семь часов и примерно двадцать минут. — Севка подумал. — Если так пойдёт, к субботе река поднимется на полметра.

— Спасибо, — сказала Маша. — Очень бодрит.

Бублик под столом вздохнул. Он вздыхал так громко, что его было слышно в самые тихие минуты собрания. Такса лежала на боку, положив голову на чей-то ботинок, и во сне дёргала лапой.

— Так, — сказала Маша. — Второй пункт. Гриша, у тебя?

Гриша встал и вытащил из кармана листок, сложенный вчетверо.

— Опись, — сказал он. — На сарае висит замок, который не запирается. На двери снаружи цифра семь, краска облезла на два сантиметра. Внутри семнадцать предметов, которые надо бы разложить по ящикам. Ящиков — три. Половина предметов — верёвки. Половина верёвок — не наши.

— А чьи?

— Не знаю. Но они хорошие. — Гриша сел.

— Лёшка, третий пункт.

— У нас кончилось лето, — сказал Лёшка. — Это факт. В субботу в школу. Это второй факт. И у нас в клубе семь значков, шесть стульев и одна собака, которая съела восьмой значок. Это третий факт, и он мне нравится больше всего.

— Почему?

— Потому что он единственный, который можно проверить.

Маша постучала ложкой.

— Хватит, — сказала она. — Значит, так. До школы три дня. Планов на эти три дня у нас нет. Это плохо. Клуб без дела — это не клуб, а кружок по интересам.

— У нас есть интересы, — сказала Вера. — Например, сухари.

— Например, спать, — сказал из-под стола Бублик. Ну, то есть сказал бы, если бы умел. Он просто вздохнул ещё раз, и все поняли.

И тут в дверь постучали.

Не как стучат взрослые. Взрослые стучат кулаком, коротко и сердито: тук-тук, и сразу «откройте». А тут получилось иначе.

Два коротких. Один длинный. Два коротких.

В сарае стало тихо. Даже дождь как будто притих.

— Это пароль, — прошептала Поля.

— Это стук, — сказала Маша.

— Стук — это пароль!

— Пароль — это слова, — сказала Маша. — Стук — это стук.

Она встала и подошла к двери. За дверью кто-то переминался с ноги на ногу. Под досками скрипело.

— Пароль? — спросила Маша.

— Семь огней, — сказал за дверью голос.

Голос был незнакомый. Голос был низкий, и в нём уже что-то ломалось, как ломается голос у мальчишек к тринадцати годам.

Вера перестала крутить резинку.

Гриша зачем-то взял со стола молоток и тут же положил обратно.

— Восьмого не бывает, — сказала Маша.

— Уже бывает, — сказал голос.

Дверь открылась.

На пороге стоял мальчик. Высокий, выше Лёшки, в чёрной куртке не по погоде и с рюкзаком на одном плече. Мокрый чуб прилип ко лбу. На ногах — кроссовки, которые в Сосновке не продавали.

Он стоял и молчал. И все молчали.

Первым узнал не человек. Бублик вылез из-под стола, подошёл к чужим кроссовкам, обнюхал их, сел и посмотрел вверх.

А потом завилял всем телом. Так, как виляет только совсем счастливая такса.

— Ты, — сказала Поля. — Ты.

— Я, — сказал Ромка.

— Ромка! — закричала Поля.

Дальше стало шумно.

Половина клуба кинулась к двери, половина осталась сидеть с открытыми ртами, а Бублик бегал вокруг и лаял три раза подряд, потом ещё три, и было понятно, что он тоже всё понял и очень рад.

Ромка обнял Полю, потом Гришу, потом неловко пожал руку Лёшке — они два года назад прощались как-то криво, и теперь это «как-то криво» вернулось на секунду.

— Здорово, — сказал Лёшка.

— Здорово, — сказал Ромка.

— Ты вырос.

— Ты тоже.

— Я всегда был высокий.

— Я помню.

Маша стояла в стороне и ничего не говорила. Она смотрела на Ромку так, как смотрят на человека, который обещал прийти в шесть и пришёл через два года.

Ромка это заметил.

— Маша, — сказал он.

— Привет.

— Я писал.

— Я получила два письма, — сказала Маша. — В первом было «привет, у вас там как». Во втором — «извини, что не писал».

— Я писал ещё.

— Значит, они не дошли.

Стало тихо. Бублик перестал лаять и сел между ними, глядя снизу вверх и явно не понимая, почему все не радуются так же сильно, как он.

— Ладно, — сказала Вера. — Хватит. Он приехал. Это главное.

— Это главное, — согласился Гриша. — Садись. Ты, наверное, замёрз.

Ромка сел на свободный стул и огляделся.

Он смотрел на полку, где лежали банки. На карту, нарисованную на стене. На «ЖУРНАЛ НАХОДОК. ТОМ ВТОРОЙ», который лежал в центре стола. Он смотрел на всё это, как смотрят на старую фотографию, где тебя ещё нет.

— У вас тут ничего не изменилось, — сказал он.

— У нас тут всё изменилось, — сказала Маша. — У нас теперь том второй.

— Я вижу.

— И у нас был случай. Настоящий. С фонарями.

— Я читал, — сказал Ромка. — Бабушка мне писала. Про фонари, про склад, про то, что вы там всех подняли на уши.

— Не всех.

— Половину, — сказал Ромка. — Бабушка говорит: половину точно.

Поля засмеялась. И все вдруг засмеялись, хотя смешного было немного.

— А ты надолго? — спросила Вера.

Ромка помолчал.

— Я теперь тут живу, — сказал он. — У бабушки. Мама уехала в район, там работа. А я остался.

— Насовсем?

— Насовсем.

Маша смотрела в кружку. Кружка была старая, с отбитой ручкой, и в ней уже остыл чай, которого никто не пил.

— Тогда нам надо решить одно дело, — сказала она. — Сразу.

— Какое? — спросил Ромка.

Маша встала.

— У нас в клубе семь номеров, — сказала она. — Семь значков. Семь шнурков. Так было с первого дня. Нас всегда было шестеро ребят и одна собака, и мы считали, что седьмой — Бублик, потому что он съел значок и по-другому отметить его было нельзя.

— Это было очень удобно, — сказал Лёшка. — Собака не спорит.

— А теперь, — сказала Маша, — нас семеро. И собака. Итого восемь.

Ромка медленно выпрямился.

— Итого восемь, — повторил он.

— Да.

— Маша, — сказала Поля. — Может, не сейчас?

— Сейчас, — сказала Маша. — Потому что если мы это не решим сейчас, мы будем спорить об этом всю осень. А потом всю зиму. Я знаю, как это бывает.

— Хорошо, — сказал Ромка. — Давайте решим. — Он положил руки на колени. — Только сначала скажите мне одну вещь. Кто из вас сейчас седьмой?

Все посмотрели на Бублика.

Бублик посмотрел на всех.

— Бублик — собака, — сказал Гриша.

— Я понимаю, что собака. Я спрашиваю: кто седьмой?

— Мы считали, что он, — сказала Вера.

— Мы так считали, потому что нас было шестеро, — сказала Маша. — Шесть значков на людях, седьмой съеден. Всё сходилось.

— А теперь, — сказал Ромка, — значков всё ещё семь. А людей — восемь. И кого-то надо отнять.

— Или прибавить, — сказала Поля.

— Кого прибавить?

— Номер прибавить.

— Номеров не бывает восемь, — сказала Маша. — Название тогда менять.

В сарае стало очень тихо. Ромка обвёл всех глазами и вдруг засмеялся — негромко, но по-настоящему.

— Вы тут два года, — сказал он. — И у вас был склад, призрак и половина посёлка на ушах. А вы застряли на том, кто седьмой.

— Это важно, — сказала Маша.

— Это очень важно, — сказал Ромка. — Я не спорю. Я просто говорю: я уехал, а вы остались, и вы всё это время считали меня.

— Никого мы не считали.

— Маша.

— Ну ладно, — сказала Маша. — Считали.

Ромка посмотрел на неё.

— Тогда давайте так, — сказал он. — Я не претендую на номер. Я даже не знаю, зачем я пришёл. Меня не было два года, и я не собираюсь входить и говорить: «здравствуйте, я ваш седьмой».

— А зачем ты пришёл? — спросила Вера.

Ромка молчал. Он всё молчал, и это было видно: он пришёл не для того, чтобы сесть за стол и пить остывший чай.

Он полез в рюкзак.

— У меня есть одна вещь, — сказал он.

И положил на стол ключ.

Ключ был маленький. Латунный, потёртый до того мягкого желтоватого блеска, который бывает у старых вещей, которые долго носили в кармане. Бородка была простая, как у ключей от сарая. А вот головка — головка была не такая, как у всех.

Головка была цифрой «7».

Все наклонились. Гриша наклонился так близко, что чуть не стукнулся лбом о стол.

— Красивый, — сказал он. — Тяжёлый?

— Тяжёлый.

— Я видел такие, — сказал Севка.

Все обернулись к нему.

— Где? — спросила Маша.

Севка задумался. Он думал долго, и все ждали, потому что у Севки надо было ждать.

— В магазине у Петровны, — сказал он наконец. — В банке с гвоздями. Только тот был не золотой, а серый.

— Это не тот, — сказал Ромка.

— Я не говорю, что тот. Я говорю: такие бывают.

Тимка взял ключ и поднял его к лампе.

— Латунь, — сказал он. — Старая. Литъё. Таковую сейчас не делают. — Он повернул ключ. — У него на одной стороне цифра семь, а на другой... — Тимка прищурился. — Тут буквы. Маленькие. Я не разберу.

— Дай, — сказала Маша.

Она посмотрела и вернула ключ.

— «Семь окон», — сказала она. — Там написано «семь окон».

В сарае снова стало тихо. Дождь стучал по крыше, и Бублик перелёг с бока на бок, и никто не сказал ни слова.

— От какой двери этот ключ? — спросила Вера.

Ромка положил ключ обратно в карман. Он не спешил и смотрел не на них, а на стену, где висела карта.

— Он был у меня в коробке, — сказал Ромка. — В коробке из-под ботинок. Там лежали фотографии. Я разбирал их, когда мы переезжали, и в одном конверте нашёл ключ.

— Чей конверт?

— Не знаю. — Ромка помолчал. — Он старый. Там был адрес и марка. Марка из семидесятых.

— А что за адрес?

— Заводская, семь.

Лёшка засмеялся.

— Заводская, семь, — сказал он. — И ключ с семёркой. И клуб «Отважная семёрка». Всё совпадение.

Ромка посмотрел на него.

— Это не совпадение, — сказал он.

— Это три совпадения подряд, — сказал Лёшка. — Я в прошлом году читал про это. Три совпадения подряд — это уже почти правило.

— А ты знаешь, какой дом на Заводской, семь? — спросил Ромка.

Лёшка перестал смеяться.

— Знаю, — сказал он. — Там никто не живёт. Я там один раз мимо проходил.

— И что ты видел?

— Стены.

— А окна?

Лёшка помолчал.

— Окна заколочены, — сказал он.

— Всё?

— На первом.

— А на втором?

В сарае стало так тихо, что было слышно, как в углу капает на жёсть.

— На втором не заколочены, — сказала Поля очень медленно. — Там занавески. Там мама говорила, что туда никто не ходит.

Ромка вынул из рюкзака ещё одну вещь.

— А вот это я нашёл вместе с ключом, — сказал он и положил на стол фотографию.

Фотография была выцветшая, с белой рамочкой по краю, какие делали раньше. На ней стоял дом. Он был каменный, старый, с крутой крышей, и окон в нём было семь: четыре на первом этаже, три на втором.

На крыльце стояли дети.

Семеро.

Они стояли ровно, как на празднике, и все смотрели в одну сторону. Мальчик в кепке, девочка с косами, ещё двое мальчишек, ещё две девочки и самый маленький, с фонарём в руках.

Фонарь был керосиновый. Тот самый.

— Это оно? — спросила Маша.

— Это оно.

Маша взяла фото и перевернула. На обороте были буквы. Полинялые, написанные карандашом, наискосок.

— «Семь окон — семь огней», — прочитала она вслух.

Она подняла глаза.

— Ромка. Откуда у тебя ключ от этого дома?

Ромка выдохнул.

— Я не знаю, — сказал он. — Правда не знаю. Я думал, что вы знаете.

— Мы? — сказала Вера. — Мы даже не знали, что это дом!

— Я знал, что вы не знаете, — сказал Ромка. — Я поэтому и пришёл.

Он посмотрел на них и всё-таки сказал то, ради чего пришёл.

— Я там был, — сказал он. — Ночью. Я не смог найти вход, но я обошёл дом кругом.

И я видел, что в нём горит окно.

— Ночью? — спросила Поля.

— Да.

— А кто его зажёт?

— Вот это, — сказал Ромка, — я и хочу узнать.

Бублик встал. Он подошёл к столу, поставил передние лапы на край и посмотрел на фотографию. Долго. Потом у него поднялась шерсть на спине, и он тихо, коротко зарычал.

— Бублик, — сказала Поля. — Ты что?

Пёс не смотрел на неё. Пёс смотрел на фотографию.

И тогда Тимка сказал то, что все подумали.

— Мы хотим вступить в клуб, — сказал он. — Ты привёз два предмета и одну непонятную ночь. Так дела не делаются.

— А как они делаются?

— Покажи нам дом, — сказал Тимка.

Глава 2. Легенда старого дома

Фотографию положили в центр стола и накрыли сверху лампой, чтобы было виднее.

Клуб сидел вокруг и смотрел на семерых детей с фотографии. Дети смотрели обратно, и всем было немного не по себе.

— Они как будто ждут, — сказала Поля.

— Они позируют, — сказал Лёшка. — Так раньше фотографировали. Скажут «стойте», все стоят и не дышат.

— А фонарь у маленького настоящий, — сказал Тимка. — Видите, стекло блестит? Это не нарисовано, это правда.

Маша перевернула фотографию и посмотрела на надпись ещё раз.

— «Семь окон — семь огней», — прочитала она. — Карандашом. Очень аккуратно.

— Кто-то писал на коленке, — сказал Гриша.

— Почему на коленке?

— Потому что буквы вниз уходят. — Гриша показал пальцем. — Вот «окон» уже ниже, чем «семь». На столе так не напишешь, стол ровный.

— У тебя все буквы на коленке, — сказала Вера.

— Это не оскорбление, — сказал Гриша. — Это факт.

Севка подтянул фотографию к себе и стал считать вслух.

— Окон четыре внизу. Три вверху. Всего семь. — Он пересчитал. — Детей семь. Мальчиков четверо, девочек трое. У маленького фонарь. У второго слева — кепка. У девочки с косами — лента.

— И что это даёт? — спросил Лёшка.

— Ничего, — сказал Севка. — Но я люблю, когда всё сходится.

— Это ключ, — сказал Тимка и взял его со стола.

Он поднёс ключ к самому стеклу, покрутил, посмотрел сквозь головку на свет.

— Внутри дырка не простая, — сказал он. — Она с бороздкой. Такие делали, чтобы ключ нельзя было подделать гвоздём.

— Куда такой нужен? — спросила Поля.

— Куда-нибудь, где лежит что-то важное.

— Например?

— Например, шкаф.

— Ты всегда говоришь «шкаф».

— У меня опыт, — сказал Тимка.

Ромка сидел молча. Он вернулся в Сосновку три дня назад, и всё это время ходил по посёлку как чужой: здоровался не с теми, кто здоровался с ним, и удивлялся местам, которые никуда не делись.

— Мы с тобой так и не поговорили, — сказала Маша.

— Мы разговариваем.

— Мы обсуждаем ключ. Это не то.

Ромка посмотрел на неё и ничего не ответил.

— Ладно, — сказала Маша. — Тогда так. Мы идём к Пал Палычу.

Пал Палыч сидел на скамейке в своей мастерской и чинил мотор от лодки. Мотор был старый, чёрный, и из него торчали провода, как нитки из старого пиджака.

— О, — сказал он. — Войско.

— Мы по делу, — сказала Маша.

— У вас всегда по делу. — Пал Палыч вытер руки. — Кто это у вас новый?

— Ромка, — сказал Ромка. — Кузьмин. Мы к вам ходили два года назад.

Пал Палыч посмотрел на него внимательно.

— Кузьмин, — сказал он. — Бабушка твоя тут живёт? Ну да, на Виноградской.

— На Огородной.

— У меня Огородная с Виноградской всегда путается. — Пал Палыч отложил мотор. —

Говорите.

Ромка вынул фотографию и положил ему на колени. Пал Палыч подошёл к свету и долго молчал.

— Ох, — сказал он.

— Вы знаете этот дом? — спросила Вера.

— Это дом Коростелёвых. — Пал Палыч перевернул фотографию. — На Заводской. Он там один такой, каменный, все остальные деревянные. Его ещё до войны начали строить, а после войны достроили.

— А кто там жил?

— Мастер. — Пал Палыч подал фотографию обратно. — Коростелёв. Он делал наши фонари. Не все, конечно, те, что постарше. Он их чинил, перебирал, стёкла вставлял. Хорошие руки были.

— А сейчас?

— А сейчас его нет.

Ромка поднял голову.

— Нет — это как?

— Это «нет», — сказал Пал Палыч. — Помер лет двадцать назад. Или больше. Я уж не помню.

Все притихли. Поля посмотрела на Тимку. Тимка на Машу. Маша на Лёшку. Лёшка ни на кого не смотрел.

— А дети? — спросил Ромка. — С фотографии.

— Дети выросли, — сказал Пал Палыч. — Кто куда. Сейчас в доме никто не живёт. Дом закрыт.

— А он не снится? — сказала Поля тихо.

— Что?

— Ну... — Поля прижала к груди фонарик. — В таких домах всегда что-нибудь. Мама говорит, что в него не ходят, потому что там как-то не так.

Пал Палыч фыркнул.

— В него не ходят, потому что он чужой и старый. Туда даже свет не проведён. — Он подумал. — И ещё потому, что у соседки с той стороны всю жизнь был характер и голос.

Поля облегчённо вздохнула.

— Но! — сказал Пал Палыч.

Поля снова заволновалась.

— Но я вам одного не советую. Не лазайте туда. Дом чужой. Найдётся хозяин — будет разговор.

— А кто хозяин?

— Не знаю, — сказал Пал Палыч. — И, честно, не хочу.

— А вы знаете, что в нём каждую ночь горит окно? — спросила Маша.

Пал Палыч помолчал чуть дольше, чем надо было.

— Городской свет, — сказал он. — Вода на лампе. Мне баба Нюра тоже рассказывала, а я в такие дела не лезу.

— А кто такая баба Нюра?

— Соседка. Дом напротив. Она сто лет живёт, всех знает и никого не любит.

Поля подумала, что это самое грустное, что она слышала за день.

Петровна про дом говорила охотнее.

В магазине было душно и пахло хлебом и мылом. Петровна стояла за прилавком и выкладывала в вазочку конфеты «Ромашка».

— Ой, — сказала она. — Все пришли. Здравствуйте, все. Или вы по одному не ходите?

— У нас вопрос, — сказал Гриша.

— У вас всегда вопрос. — Петровна вытерла руки. — Ну?

— Про дом Коростелёва на Заводской.

Петровна посмотрела на них внимательно и вдруг стала как будто чуть меньше.

— И что вы про него знаете?

— Ничего, — сказала Маша. — Поэтому и спрашиваем.

Петровна поправила вазочку.

— Дом как дом, — сказала она. — Большой. Каменный. Внутри мебель, всё стоит, накрыто тряпками. Там хозяин был с характером.

— А сейчас кто там бывает?

— Никто.

— Совсем?

— Совсем, — сказала Петровна. И, помолчав, добавила: — Сказывают, что мастер иногда приходит. Свои фонари пересчитать.

Поля вцепилась в Гришин рукав.

— Это вы серьёзно? — спросила Вера.

— Я что, похожа на сказочницу? — Петровна нахмурилась. — Я говорю, что сказывают. А сказывают всегда глупые.

— А сами вы видели?

Петровна хотела сказать «нет». Все видели, как она хотела.

— Свет я видела, — сказала она. — Один раз. Шла домой, а у него на втором окне горит. Жёлтым. И так мне это не понравилось, что я до дома дошла быстрее, чем ходила всю жизнь.

— А окна там заколочены? — спросил Тимка.

— Внизу. Наверху нет.

— А что наверху?

— Комната, — сказала Петровна. — Одна. Отчего там окна заколачивать, ума не приложу.

Митрич сидел на лавочке возле своего дома и смотрел, как куры ходят по ограде.

Он ни капли не удивился, что к нему пришли. Он вообще с тех фонарей ничему не удивлялся.

— Дом Коростелёва, — сказал Митрич. — Ну-ка. — Он пожевал губами. — Тридцать лет его Коростелёвым зовут, а правильно — дом под номером семь. Это потому, что его семь семей строили.

— Семь? — переспросила Маша.

— Семь. Тогда на реке семь семей было. Семь домов. И каждая ставила на тропе свой фонарь. Ты, — Митрич посмотрел на Машу, — в прошлом году этого не спрашивала. Почему?

— Мы тогда про ворованные фонари спрашивали.

— А надо было спросить, кто их придумал. — Митрич поднял палец. — Придумал-то как раз Коростелёв. И не сам он придумал, а совет.

— Какой совет?

— Обыкновенный. — Митрич постучал пальцем по виску. — Семь ребятишек. Каждое лето выбирали семерых из всех домов. И они за огнями смотрели: где лампа не горит, где стекло треснуло, где дождь налил. Совет семи. Так и звали.

Маша переглянулась с Верой.

— Значит, семь детей, — сказала Вера. — Как на фотографии.

— На какой фотографии? — резко спросил Митрич.

Ромка показал.

Митрич долго смотрел. Потом вынул из кармана платок, протёр щеку — и ещё раз взглянул.

— Тут и Пашка Коростелёв, — сказал он. — Вон, третий слева. Я его знал, он был старше меня, потом уехал в Челябинск. — Он ткнул пальцем. — А маленький с фонарём — это не помню кто. Нет, не помню.

— А мастер? — спросила Поля. — Он правда приходил после?

Митрич посмотрел на неё.

— Я тебе так скажу, девонька, — сказал он. — Про всякую ерунду люди выдумывают с удовольствием. Про хорошее — редко. Если говорят, что кто-то ходит, значит, кто-то хороший остался, а его жаль. Вот и досказали себе, что ходит.

— Это не ответ, — сказала Маша.

— Это лучший ответ, который у меня есть.

Он вернул фотографию и положил руки на колени. А потом сказал то, из-за чего клуб не спал всю ночь:

— В этом доме на втором этаже есть комната. Дверь в неё запирали всегда. Даже при людях. Даже когда гости были.

— Почему?

Митрич помолчал.

— Потому что там стулья, — сказал он. — Семь штук. Кругом.

Клуб вышел от Митрича и остановился у забора.

Дождь кончился, и в воздухе висело то особенное, что бывает только в начале сентября: пахнет мокрой травой, и мокрая пыль, и немного холодом.

— Значит, так, — сказала Маша. — План.

Гриша вытащил листок. Он всегда вытаскивал листок, когда Маша говорила «план», и это было уже почти ритуалом.

— Первое, — сказала Маша. — Мы идём к дому завтра. В семь, когда начнёт темнеть.

— Почему в семь? — спросила Вера.

— Потому что днём нас увидит вся улица. А в семь уже темнеет, но ещё не ночь.

— Второе?

— Второе. Идём все. — Маша обвела всех глазами. — Идём тихо. Не разговариваем на улице.

— Третье?

— Третье. Тимка берёт телефон и снимает всё. Вера ничего не трогает руками. Гриша берёт фонарь и верёвку.

— У меня есть верёвка, — сказал Гриша с достоинством.

— Севка считает. Поля держит Бублика.

— Бублик тоже идёт? — обрадовалась Поля.

— Бублик идёт всегда, — сказала Маша. — Он член клуба. Или закончим этот спор.

Лёшка поднял руку.

— Четвёртое.

— У нас нет четвёртого, — сказала Маша.

— Теперь есть. — Лёшка посмотрел на Ромку. — Четвёртое. Ромка объясняет, как он узнал про дом. Не «нашёл конверт». А как узнал.

— Я не мог найти конверт случайно? — спросил Ромка.

— Мог. Только ты приехал в Сосновку в понедельник, а к нам пришёл в четверг. Что ты делал три дня?

— Ходил по посёлку.

— Вокруг дома ходил?

Ромка посмотрел на него и вдруг улыбнулся, и от этой улыбки стало понятно, что он вырос не только в длину.

— Я ходил вокруг дома дважды, — сказал он. — Ночью. Сам. Без вас.

— Почему без нас?

— Потому что я не был уверен, что вы меня помните.

Стало тихо.

— Помним, — сказала Поля.

— Я тоже так думал, — сказал Ромка. — А потом пришёл и увидел, что у вас тут том второй и призрак и всё, что было, — и понял, что вы без меня прожили два года и ничего не потеряли.

— Мы потеряли, — сказала Маша.

— Что?

— Седьмого.

В сарае было темно и тепло. Бублик спал под столом, положив голову на Гришин ботинок, и ему снились сухари.

Маша сидела и смотрела на фотографию.

— Ты правда веришь в привидение? — спросила Вера.

— Нет. Я верю в ключ. — Маша перевернула фотографию. — Смотри. Ключ с семёркой. Фотография с семью окнами. Дом, где семь стульев. Кто-то очень старался, чтобы вышло семь семь семь. Так не бывает само.

— А если это как раз то, о чём Лёшка говорит? — сказала Поля. — Совпадения.

— Три совпадения подряд — это правило, — сказал Лёшка из своего угла. — Но семь — это уже не совпадение. Это кто-то.

Маша кивнула.

— Значит, идём, — сказала она. — Завтра в семь.

— А если там правда кто-то есть? — спросила Поля. — Ну, тот, кто светит?

Маша поставила лампу на стол и села прямо.

— Тогда мы спросим у него, — сказала она. — Наше дело — задать вопрос. А дальше как получится.

Бублик во сне зарычал — тихо, коротко, из самой груди. Так он делал, когда слышал под дверью чужие шаги.

Все посмотрели на дверь.

За дверью было тихо.

— Ветер, — сказала Вера.

Открыли. На крыльце никого не было. Только на мокрых досках лежал сухарь — целый, аккуратный, будто его специально положили.

Бублик съел его в два счёта.

А Маша стояла и светила фонариком на доски.

— Сухари не растут, — сказала она. — Их кто-то принёс.

— Может, Гриша обронил?

— У меня всё в карманах, — сказал Гриша и проверил карманы. — У меня всё в карманах, — повторил он уже тише.

Маша подняла фонарик. На мокром дереве остался след. Большой, тяжёлый, как будто стоял человек и долго не уходил.

След был тающего размера. Но передняя часть отпечаталась коротко и остро, а задняя была вытерта.

— Туфли, — сказала Вера. — Старые туфли.

— Сорок третьего размера, — сказал Севка.

Маша перевела фонарик на дорогу. Следы уходили от крыльца через двор, к калитке. И там обрывались: дальше была сплошная мокрая трава.

— Ну и ладно, — сказала Вера. — Зато теперь точно знаем.

— Что знаем?

— Что это не привидение. У привидений сорок третьего не бывает.

Маша погасила фонарик.

— Тогда пусть будет лестница, — сказала она тихо. — Комната на втором этаже. Стулья. И кто-то, кто ходит к нему наверх и включает свет.

Глава 3. Заводская, семь

К семи часам у сарая собрались все.

Вечера стали короткие. В восемь уже темнело, а в семь небо было синее-синее, и в нём висела одна звезда — та, что зажигается первой.

— Так, — сказала Маша. — Проверка.

— Опять? — сказал Лёшка.

— Не значков. Снаряжения.

Гриша выложил на стол всё, что принёс. Получилось много: фонарь, верёвка, второй фонарь, нож, пластырь, сухари в кульке, запасные шнурки, две батарейки неизвестно к чему и маленький блокнот.

— Зачем пластырь? — спросила Вера.

— На всякий случай.

— А батарейки?

— Тоже.

— Гриша, у нас в клубе нет ничего, что работает от батареек.

— Значит, будет, — сказал Гриша с достоинством.

Тимка принёс телефон с полной зарядкой и наушники, чтобы «не светить экраном на весь двор». Вера принесла себя. Севка принёс блокнот и карандаш, потому что хотел считать. Поля принесла Бублика, а Бублик принёс поводок и вид человека, которого ведут на очень неприятный приём.

Маша принесла план.

— Первое, — сказала она. — Идём по Заводской с той стороны, где нет фонарей. Второе. У калитки останавливаемся и слушаем минуту. Третье. Входим только вшестером, никто не отходит.

— А Ромка? — спросил Тимка.

Все посмотрели на Ромку.

— Нас семеро, — сказала Маша.

— Восемь, — сказал Лёшка.

— Семеро. Бублик не считается.

Бублик посмотрел на неё так, что стало понятно: он всё слышал и всё запомнил.

— Ладно, — сказала Маша. — Восемь. Входим все.

До Заводской было двадцать минут ходьбы. Дорога шла мимо почты, потом мимо старого склада, потом сворачивала за огороды.

По дороге почти не разговаривали.

— Странно, — сказала вдруг Вера.

— Что?

— Мы идём к незнакомому дому, где в окне горит свет, и никто не боится.

— Я боюсь, — сказала Поля.

— Ты всегда боишься. Это не считается.

— Мне кажется, что все боятся, только по-разному, — сказал Ромка. — Я, когда первый раз обходил дом, держал в кармане камень.

— Зачем?

— Не знаю. С камнем идти не так тихо.

Заводская была короткая улица, семь домов с одной стороны и пустырь с другой. Восьмого дома не было: на его месте стояли ворота и за ними — заросший бурьяном двор.

— Странно, — сказал Севка.

— Что?

— Номера домов идут: один, три, пять, семь, девять. А чётных нет.

— Потому что чётные на той стороне, а той стороны нет, — сказал Гриша.

Севка остановился и посчитал в уме. Потом кивнул.

— Сходится, — сказал он.

Дом стоял в глубине двора, за палисадником, в котором давно уже ничего не росло, кроме трёх кустов сирени. Он был каменный, серый, с крутой крышей и трубой. Окон было семь.

Внизу четыре — заколоченные досками. Наверху три — целые, с занавесками. Занавески были старые, тонкие, и одна из них шевелилась.

— Ветер, — сказала Вера.

— Ветер, — согласилась Поля.

В окне горел свет.

Не яркий. Не как от лампочки. Тёплый, ровный, жёлтый, как от керосиновой лампы, — и он двигался, если смотреть долго: то кажется, что ближе, то что дальше.

Все остановились.

— Вот, — сказал Ромка. — Я про это и говорил.

— А окно какое? — спросил Севка.

Все посчитали. Окна на втором этаже шли слева направо: первое было тёмное, второе тёмное, третье горело.

— Третье, — сказал Севка. — Считать слева. Если справа — то первое.

— Очень удобно, — сказал Лёшка. — Чтобы потом голову сломать.

Маша посмотрела на дом и вдруг поняла, что ей совсем не страшно. Она подумала об этом и решила не говорить.

— Идём, — сказала она.

Калитка была железная, ржавая, и открылась с таким звуком, что Поля подпрыгнула.

Двор был мокрый. Трава стояла по колено, и в ней блестели капли. На дорожке лежали мокрые листья.

— Тихо, — сказала Маша. — Минуту стоим.

Они стояли минуту. Бублик не рычал. Бублик стоял, подняв голову, и нюхал воздух.

— Собака не рычит, — прошептал Ромка.

— Это хорошо или плохо?

— Не знаю. Но в прошлом году он рычал всегда, когда чуял чужих.

Маша подошла к крыльцу.

Крыльцо было каменное, три ступени. Дверь — тяжёлая, деревянная, крашенная в зелёный много лет назад, и краска на ней уже облезла до дерева. Посередине висел замок: большой, тяжёлый, с короткой дужкой.

— Ромка, — сказала Маша. — Ключ.

Ромка достал ключ и подошёл к двери.

Он вставил его в замок. Ключ не вошёл.

— Не то, — сказал он и попробовал ещё раз.

Ключ не входил. Он упирался и не шёл, будто его держали с другой стороны.

— Дай я, — сказал Гриша.

Он попробовал так, потом этак, потом наклонил ключ, будто от этого что-то могло измениться.

— Не тот, — сказал он. — У этого бороздка косо, а скважина прямая. И он маленький. Он вообще не от этой двери. Такой ключ от чего-нибудь худого. От шкафа.

— От шкафа, — сказал Тимка.

— Я же говорил, — сказал Гриша. — Я всегда говорю «шкаф».

Лёшка сел на ступеньку и подпёр голову руками.

— Отлично, — сказал он. — Мы пришли к запертому дому с ключом от шкафа.

- У нас ещё есть фото.
- Фото нам его не откроет.
- Мы можем посмотреть в окно, — сказала Вера.
- Забито.
- Наверху нет.
- Наверху второй этаж.

Маша посмотрела на дом кругом.

- Обходим, — сказала она. — Все вместе.

Они пошли вокруг дома. За домом был двор меньше, чем передний: колодец, поленница под навесом, три яблони. У стены росла крапива, и в ней что-то лежало.

- Фонарь, — сказала Вера.

Это был старый керосиновый фонарь. Он лежал на боку в крапиве, стекло было целое, и в нём стояла свечка — огарок.

Тимка присел и посмотрел, но не тронул.

- Он недавно горел, — сказал он. — Свечка тёплая.

Все замолчали.

- Тёплая, — повторил Тимка. — То есть... горела недавно. Может, час назад.

Гришин фонарик прыгнул в сторону и упёрся в стену.

- Смотри, — сказала Вера. — Дверь.

Дверь была маленькая, узкая, сбитая из досок, выкрашенная в тот же зелёный, только темнее. Замка на ней не было.

Она была приоткрыта.

Совсем чуть-чуть, на ладонь. За ней лежала темнота, и из этой темноты пахло пылью, мокрым деревом и чем-то ещё — кислым, старым, как из сундука.

Бублик подошёл к двери, сунул нос в щель и чихнул. Пыль вылетела обратно и стала в фонарике серебряной.

- Вот и сходили, — сказала Поля.

- Дверь открыта, — сказал Лёшка.

- Я вижу.

- Значит, кто-то там есть.

— Не обязательно, — сказала Маша. Но голос у неё был не такой спокойный, как слова. — Может, она год так стоит и от ветра открылась.

- Такие двери от ветра сами не открываются, — сказал Гриша.

Маша посмотрела на всех.

— Вспоминаем правила, — сказала она. — Никто не отходит. Мы не трогаем ничего руками. Если что-то не так, все выходим. Если мы разбегаемся, то кто-нибудь один обязательно останется в доме и будет потом стоять в сарае и говорить «а вы где были».

- Это правило или страшное кино? — спросил Лёшка.

- Это правило.

- Хорошо.

— Бублика держит Поля. Гриша — вперёд, у него фонарь. Тимка — снимает. Ромка идёт последним.

- Почему я последним?

— Потому что ты самый высокий, — сказала Маша. — Если что, ты закроешь собой дверь.

- Спасибо, — сказал Ромка.

Прямо с порога стало ясно, что в доме давно никого нет. Ну, то есть никто не живёт.

В прихожей пахло пылью и мылом. На полу лежал коврик, и на коврике отпечатались следы — большие, тяжёлые. Гриша посветил.

— Сорок третий, — тихо сказал Севка.

Следы шли в дом, к лестнице.

— Мы уже видели такие, — сказала Вера. — На крыльце. Значит, это тот же человек.

В прихожей стояли часы. Высокие, деревянные, с маятником и стеклянной дверцей.

Стрелок в них не было.

Совсем. Циферблат был белый, с римскими числами, и в нём торчали две дырочки от осей.

— Часы сломаны, — сказал Тимка. — То есть... они не то что сломаны. У них стрелок нет.

— Зачем их снимать? — спросила Поля.

— Чтобы никто не знал, сколько времени, — сказал Лёшка и сам усмехнулся. — Ладно.

Это я глупо сказал.

Дальше шли комнаты. В первой стоял большой стол, накрытый белым чехлом, и стулья — по стенам, тоже в чехлах. Во второй был диван, и на нём лежали подушки. В третьей — полки и книги, все мокрые от пыли так, что ни одного названия не разобрать.

Всё было накрыто, всё стояло, как будто хозяева вышли в магазин и не вернулись.

— Тут чистые подоконники, — сказала Вера.

Все посмотрели на подоконник.

— Вон там, — показала она. — И вон там. Кто-то вытирает. Пыль только на полу, а подоконники протёрты.

— И коврик не в пыли, — сказал Ромка.

— И дверь открыта, — сказал Гриша.

Лёшка перестал шутить.

Лестница была деревянная, с перилами и резными столбиками. Через каждую ступеньку скрип.

Севка послушал и сказал:

— Семнадцать ступеней.

— Считал?

— Считаю.

Гриша пошёл первым. Перила скрипнули, ступени отозвались, и на весь дом стало слышно, как идут восемь человек и одна собака.

Наверху был коридор и три двери.

Первая — открытая, за ней комнаты с чехлами. Вторая — открытая, за ней та же пыль и старый шкаф.

Третья была закрыта.

Дверь была обычная, деревянная, только на ней, почти у самой верхней кромки, белой краской была выведена цифра.

«7».

Семёрка была нарисована от руки, кривая, и от старости краска пошла трещинками. Но это была семёрка. Такая же, как на двери сарая, — ту Тимка рисовал два года назад, и она тоже была кривая.

— Ох, — сказала Поля.

Гриша поднял фонарь. Дверь была заперта: в ней стоял небольшой замок, врезанный, серый, с замочной скважиной, и в скважине болталась ржавая пыль.

Ромка подошёл и приложил ключ.

Ключ подошёл.

Все замерли.

Он вошёл легко, как в масло. Ромка повернул — и замок щёлк.

— Тот, — сказал он тихо. — Он от этой двери.

— Не открывай, — сказала Вера.

— Что?

— Не открывай сразу. — Вера посмотрела на дверь. — Давай сначала постучим.

— Постучим? — сказал Лёшка. — В пустом доме?

— Мы же в клуб. — Вера пожала плечами. — У нас правила.

Маша посмотрела на дверь. Потом на всех. Потом кивнула.

Ромка убрал руку.

Вера подошла и постучала. Два коротких — один длинный — два коротких.

В доме стало очень тихо.

И за дверью, в комнате, где никого не могло быть, что-то скрипнуло.

Не стук. Не шаги. Так скрипит стул, с которого медленно поднимаются.

Поля ойкнула и вцепилась в Бублика. Бублик не залаял. Бублик подался назад и прижался к Полиным ногам.

Тимка поднял телефон.

— Я снимаю, — прошептал он. — Оно уже пишет.

Из-под двери шёл свет.

Тонкой жёлтой полоской, ровной, спокойной. Такой же, как в окне.

Дети стояли в коридоре и смотрели на эту полоску.

— Мы не можем уйти, — сказала Маша.

— Можем, — сказал Лёшка. — Мы очень даже можем.

— Лёшка. Мы шли сюда всю неделю.

— Мы шли сюда два часа.

— Неважно.

— Ребята, — сказала вдруг Поля.

Она смотрела не на дверь. Она смотрела на пол за спиной.

Все обернулись.

По пыльному полу коридора шли следы. Свежие, мокрые, с чётко отпечатанной пяткой. Они начинались у лестницы и вели к двери с цифрой.

А между детьми и лестницей, там, где пыль была нетронутой ещё секунду назад, теперь тоже были следы.

Они шли мимо них.

Следы шли прямо через то место, где они стояли.

Глава 4. Стулья

Следы шли мимо них.

Через пыль, от лестницы к двери с цифрой «7» — и обратно. Только обратно они уже не шли: они обрывались шагах в пяти от детей, у стены, за которой начинался конец коридора.

— Он прошёл здесь, — сказал Гриша шёпотом, хотя никто уже не стал бы говорить громко.

— Он прошёл здесь, пока мы стояли, — сказала Вера.

— Мы бы слышали.

— Мы слушали дверь.

Поля держала Бублика двумя руками. Пёс не рвался, не рычал, не скулил. Он просто смотрел в конец коридора, где было темно, и шерсть у него на спине стояла дыбом, как щётка.

— Свет, — сказал Тимка.

Все обернулись. Полоска под дверью стала тоньше.

Не исчезла. Стала тоньше, будто в комнате кто-то прикрутил фитиль.

— Он там, — сказала Поля.

— Он там был, — сказал Лёшка.

— Это одно и то же!

— Это совсем не одно и то же. — Лёшка говорил тихо, но очень внятно. — Тот, кто прошёл, ушёл. Он ушёл в конец коридора. А свет в комнате — это не он. Это лампа. Лампы горят сами по себе, если их зажгли.

— С каких пор лампы горят сами по себе?

— С тех пор, как их зажигают заранее.

Маша посмотрела на дверь с цифрой, потом на конец коридора.

— Ромка, — сказала она. — Открывай.

— А если там кто-то?

— Там никого нет, — сказала Маша. — Там лампа.

Ромка повернул ключ.

Замок щёлкнул второй раз, тихо, как будто извинился, и дверь пошла.

Она открылась не сразу. Её держало что-то внизу, и Ромке пришлось нажать плечом. Дверь отворилась на треть, и в коридор вылился жёлтый свет.

Тёплый. Ровный. Живой.

В комнате было семь стульев.

Они стояли кругом, посреди комнаты, ровно, как на фотографии расставляют мебель для съёмки. Стулья были старые, деревянные, с высокими спинками. У одного спинка была сломана и подвязана верёвкой.

На каждом стуле лежал бумажный листок.

А посередине круга, на полу, стояла лампа.

Керосиновая. Стекло тёплое, фитиль прикручен, пламя маленькое, аккуратное. Под лампой на полу была газета, и на газете лежали спички — одна обгорелая, три целых.

Тимка поднял телефон.

— Снимаю, — сказал он. — Всё снимаю.

— Постой, — сказала Вера. — Не суй руки.

— Я и не сую.

— Ты уже наступил на газету.

— Это не улика. Это газета.

— Всё улика, — сказала Вера. — Если оно под ногами, значит, оно улика.

Лёшка засмеялся очень тихо, нервно, и никто не поддержал.

В комнате пахло керосином, старым лаком и — почему-то — яблоками. Поля втянула нос и повторила: яблоки.

— Яблоки, — сказал Гриша. — Тут что, кто-то ест?

— Или хранит.

— На стульях?

— Мы не знаем, что на стульях, — сказала Маша. — Мы листки не читали.

Она шагнула первой.

Бублик поставил передние лапы на порог и посмотрел в комнату так, как смотрят на незнакомую кухню: сначала подозрительно, потом с интересом.

А потом вошёл.

Подошёл к кругу. Обошёл его. Остановился перед одним стулом, поставил лапы на сиденье и сбил мордой листок на пол.

— Бублик! — сказала Поля.

— Стой! — крикнула Маша.

Бублик вильнул хвостом и сел. Не на пол. На стул.

— Он на седьмом сидит, — сказал Севка.

— На каком?

— На седьмом. Считая по кругу от двери. — Севка держал палец на воздухе. — Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Вот этот.

Бублик сидел на стуле как человек, то есть как собака, которая решила стать человеком, и смотрел на всех с видом «а что».

Маша подошла и подняла листок с пола.

Листок был не новый. Бумага потвердела по краям и немного пожелтела, как у книг, которые долго лежат открытыми. На нём было написано от руки, крупно, карандашом.

«Придёт с собакой. Будет ездить на подножке трамвая».

Маша прочитала вслух и замолчала.

Стало очень тихо. Бублик сел ровнее, будто это он только что сказал что-то важное.

— Что это? — спросила Поля.

— Похоже на предсказание, — сказал Лёшка. — Я люблю предсказания. Они либо глупые, либо правдивые, и узнать заранее нельзя.

— Тут написано про собаку, — сказал Тимка.

— Тут написано «с собакой».

— У нас есть собака.

— У половины посёлка есть собака.

— У половины посёлка нет стула с листком, — сказала Маша.

Она поставила Бублика на пол — пёс возмутился и упирался всеми четырьмя лапами — и подняла остальные листки по одному, начиная от двери.

Первый гласил: «Найдёт дверь, которую не заперли».

Второй: «Спросит про огонь».

Третий: «Сосчитает то, что все видят, но не считают».

Четвёртый: «Испугается, но пойдёт первой».

Пятый: «У него карманы-склад».

Шестой: «Лёшка Гушин. Ушёл и не вернулся».

Седьмой лежал на полу.

Маша стояла и смотрела на шестой.

— «Ушёл и не вернулся», — прочитала Вера у неё из-за плеча. — Это ты, — сказала Вера и обернулась к Ромке. — Это про тебя.

Ромка отрицательно покачал головой, но ничего не сказал. Он смотрел на листок, и лицо у него было такое, что Поля тихо взяла его за рукав.

— Почему «не вернулся»? — спросил Гриша. — Он вернулся.

— Потому что писали, когда он ещё не вернулся, — сказала Маша. — Тут что-то ровно наоборот.

— Слушай, — сказал Лёшка. — Вот тут-то начинается обычная история. Кто-то знает про нас всё. Кто-то расставляет стулья и пишет про нас. У меня один вопрос: зачем?

Все молчали.

Лёшка обвёл круг рукой.

— Это очень старые стулья, — сказал он. — Вон, у этого спинка подвязана. Так подвязывают, когда уже лет тридцать. А листки новые, они белые.

— На них карандаш, — сказал Гриша.

— И что?

— Карандаш выцветает. — Гриша взял листок за уголок и поднёс к лампе. — Смотри. Если карандаш старый, он серый. Этот серый. Это не вчера писали.

— Сколько?

— Не знаю. Но не вчера.

Тимка снимал всё, медленно и упорно, вода телефоном по кругу. Дошёл до лампы, присел, снял стекло, спички, газету.

— Так, — сказал он. — Газета за двенадцатое августа. — Он пригляделся. — Года... года не видно. Отрезано.

— Отрезано? — спросила Вера.

— Вот, край неровный. Как будто ножницами.

Маша подошла и посмотрела.

— Севка, — сказала она. — Ты у нас считаешь.

— Считаю.

— Посчитай окна.

Севка обернулся к окну. Оно было одно. Одно большое окно, выходящее во двор, со старой занавеской, потемневшей от солнца. Подоконник был вымыт.

— Одно окно, — сказал Севка.

— А в доме?

— Семь.

— Так, — сказала Маша. — Значит, вот что мы знаем. Нас семь плюс собака. Стульев семь. Окон в доме семь. В комнате пишут про всех нас. И это кто-то тщательно готовил.

— И зажёт лампу, — сказала Поля.

— И зажёт лампу.

— И ушёл, — сказала Вера. — Следы.

Они снова вышли в коридор.

Следы на пыли были уже почти сухие. Они уходили в конец коридора и упирались в дверь, которую никто из них сначала не заметил: она была в стене, узкая, затянута тяжёлой шторой, штора висела ровно, как в театре.

Гриша отодвинул штору.

За ней была маленькая лестница — чёрная, узкая, с высокими ступеньками. Такие делают в старых домах для прислуги, чтобы никто не ходил через парадные комнаты.

Из лестницы тянуло холодом.

— Вот, — сказала Вера. — Он ушёл по ней.

— Он был тут всё это время, — сказал Ромка.

— Нет. Он ушёл, пока мы стояли и слушали.

— Почему мы не слышали?

— Потому что она с перилами, — сказал Гриша. Он наклонился и провёл пальцем по стене. — Смотрите. Перила есть, а ступени не скрипят. Их кто-то перебирал.

— Что значит «перебирал»?

— Значит, переложил и подтянул. Так делают, чтобы не было шума.

Поля посмотрела на лестницу, потом на Гришу, потом снова на лестницу.

— Гриша, — сказала она. — Откуда ты это знаешь?

— У Пал Палыча в мастерской тоже лестница. Он мне показывал, как делать тихую.

— И ты умеешь?

— Конечно, умею.

— Гриша! — сказала Маша. — Так ты тоже скоро начнёшь по чужим домам ходить тихо?

— Я не по чужим. Я по своим. — Гриша гордо выпрямился. — И я вообще не понимаю, почему мы стоим, когда там кто-то ходит.

Маша посмотрела на лестницу и решила.

— Вниз, — сказала она. — Все. Быстро. И осторожно.

Спуск занял втрое больше времени, чем подъём.

Ступени действительно не скрипели. Они были подтянуты, все семнадцать, и в двух местах к ним были прибиты тонкие полоски старого войлока.

Внизу был тёмный коридорчик, потом кухня: огромная, холодная, с печью и полками. В кухне на полу лежал свежий след — тот же, сорок третьего, — и уходил к двери на задний двор.

Дверь была приоткрыта.

А на столе в кухне кто-то оставил вещь.

Небольшую, круглую. Жестяную. С цифрой «7».

Поля зажала рот рукой. Гриша взял медленно, двумя пальцами, как берут бабочку.

— Наш значок, — сказал он.

— Чей?

— Не пойму. Тут шнурка нет.

— Значит, не наш, — сказала Вера.

— Тогда чей?

— Не знаю. Но он сделан так же. — Гриша повернул жестянку. — Его вырезали из банки. Смотри, вот тут край от консервного ножа. У нас все такие.

Маша взяла значок.

Он был старше, чем их значки. Края уже обтёрлись и не резали палец. И на нём не было отверстия для шнурка.

— Его не носили, — сказала Маша. — Его держали в кармане.

За спиной что-то стукнуло.

Все обернулись и погасили дыхание.

В прихожей работали часы с пустым циферблатом и без стрелок.

Тик. Тик. Тик.

— У них же нет стрелок, — прошептала Поля.

— Есть маятник, — сказал Тимка. — Маятник идёт, даже если стрелок нет.

— Тимка! — зашипела на него Вера. — Там только что было тихо!

И в тишине, за дверью на задний двор, кто-то сказал:

— Значит, всё-таки пришли.

Голос был старый. Хриплый, низкий, с той усталой спокойной нотой, которая бывает у людей, которые давно живут одни и разговаривают с кошками.

Вера рванула к двери первой. Маша за ней. Ромка схватил со стола значок и сунул в карман.

Задний двор был пуст.

Они стояли в крапиве и жёлтых мокрых листьях: восемь человек и одна собака.

У калитки, у самой дороги, ходила баба Нюра в куртке и резиновых сапогах, но это была не она.

Больше во дворе не было никого.

— Вот, — сказала Поля. — Вот.

— Что «вот»?

— Он опять ушёл.

Лёшка сел на поленницу и посмотрел на дом.

— Мне не нравится, — сказал он.

— Всем не нравится.

— Нет, мне другое не нравится. — Лёшка обвёл рукой двор. — Мы стояли у двери два часа. Мы разговаривали, скрипели, топали. А он ходил тут, за стеной, и не боялся, что его услышат. Он просто ждал, пока мы уйдём.

— Значит, он не боится, — сказала Вера.

— Значит, он наш, — сказал Лёшка. — Он совсем наш. Он из этого посёлка.

Бублик поставил лапы на калитку и вдруг залаял.

Три раза.

Все обернулись.

По дороге, от почты, шёл человек. Большой, в тёмной куртке, шёл медленно и грузно. В руке он нёс керосиновый фонарь.

Фонарь был зажжён.

Человек не смотрел в их сторону. Он шёл к дому.

И тут Маша, не подумав, сделала шаг. Потом второй. Потом она уже бежала — а за ней, ничего не понимая, бежали остальные.

Человек видел их.

И — они это увидели отчётливо — он не испугался. Он поставил фонарь на землю, взялся за свою трость и пошёл быстрее. Он шёл к дому, к калитке, к ним.

А потом резко свернул между двумя кустами сирени и пропал.

Между кустами была щель — узкая, но человек в ней не помещался. Не помещался он там ровно секунду: в следующий миг за кустами стукнула калитка, и стало слышно, как по другой улице, за домами, кто-то идёт быстро, тяжело и с палкой.

Гриша добежал первым. Он стоял у щели и смотрел на землю.

— Не туда, — сказал он. — Тут забор.

— Как забор?

— Обыкновенный. Доски. — Гриша постучал. — И он не перелезал.

— Он что, сквозь забор прошёл?

— Он в калитку пошёл, — сказал Севка. — Вон, следы.

Следы и правда шли не в щель между кустами, а вдоль стены, к калитке на соседний двор. Калитка была в досках, старая, с щеколдой, и она была открыта.

— Он живёт по соседству, — сказала Вера.

— Или ходит через соседний двор, — сказал Лёшка. — Тоже удобно. Ходишь всю жизнь, и никто не спрашивает, чего ты ходишь.

Маша вернулась к фонарю.

Он стоял на земле, у самого крыльца, и горел ровно и спокойно. Стекло было тёплое. Внутри — свечка, огарок, почти такой же, как тот, что лежал в крапиве.

— Он его оставил, — сказала Поля.

— Он его поставил, — сказал Тимка. — Разница есть.

— Какая?

— Если оставил — значит, забыл. Если поставил — значит, хотел, чтобы мы нашли.

Маша присела рядом с фонарём.

Рядом с ним, придавленная камнем, лежала ещё одна бумажка.

Маленькая, сложенная вчетверо. Маша развернула.

На ней тоже был карандаш, тоже крупный, и тоже с той старческой дрожью, от которой буквы чуть уезжают вниз.

«Восьмого не бывает, — было написано на ней. — А вы всё равно пришли».

Все прочитали. Потом прочитали ещё раз.

— Откуда он знает наш пароль? — спросила Вера.

— Он не знает пароль, — сказала Маша. — Он знает, что мы придём.

Поля посмотрела вверх, на второй этаж.

Окно горело.

Только теперь оно было не третьим. Оно было первым.

Севка поднял палец и посчитал: слева направо, раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь.

— Первое, — сказал он.

— Оно же было третье, — сказала Поля.

— Было. А теперь первое.

Дети стояли во дворе и смотрели на дом. В одном окне горел свет. Он горел ровно, спокойно и очень уверенно, как будто так и надо.

— Значит, — медленно сказала Маша, — он не просто поставил фонарь. Он успел подняться, зажечь окно и вернуться, пока мы бежали за кустами.

— Этого не может быть, — сказал Лёшка. — Слишком быстро.

— Может, если он всё приготовил заранее.

Ромка смотрел на фонарь и молчал.

— Ромка, — сказала Маша. — Что?

— Я его знаю, — сказал Ромка.

Все обернулись.

— Что?

— Не так. — Ромка поднял голову. — Я его видел. Этот человек был у нас дома, в городе. Он приходил к маме. Он приносил ей сверток и спрашивал про меня.

— Как он выглядел?

— Старый. Очень старый. — Ромка подумал. — Большой, но сгорбленный. И у него палка.

Поля ойкнула.

— Ромка, — сказала Маша. — Как его зовут?

Ромка покачал головой.

— Мама говорила: «Дядя Фёдор». А фамилию я не спросил.

Бублик подошёл к фонарю, обнюхал его и сел рядом. Так он садился, когда понимал, что дальше ничего не случится, и все наконец пойдут домой.

Но домой они пошли не скоро.

Глава 5. Кто знает наши имена

Сарай в ту ночь не закрывался до половины двенадцатого.

Маша зажгла лампу, Гриша принёс из дома чайник, Вера — печенье, которое ей велели не брать, а Поля — Бублика, который это печенье почти всё и съел, но никто не сказал, потому что все смотрели на стол.

На столе лежали семь листков.

Маша разложила их в том же порядке, в каком они лежали на стульях, начиная от двери.

— Значит, так, — сказала она. — Слушаем и не спорим. Спорим потом.

— Когда потом? — спросил Лёшка.

— Потом — это когда я скажу.

— Просто уточняю.

— Первый листок: «Найдёт дверь, которую не заперли». — Маша подняла глаза. — Кто у нас в клубе находит двери?

Все посмотрели на Тимку.

— Тимка, — сказала Вера. — Ты в прошлом году нашёл шуруп в решётке.

— Я и в этом году найду, — сказал Тимка.

— Второй листок: «Спросит про огонь».

— Это Поля, — сказал Севка.

— Почему я?

— Ты про него спросила в первый же день.

Поля открыла рот, потом закрыла. Она не помнила, чтобы спрашивала. Но спорить не стала, потому что Севка считал.

— Третий: «Сосчитает то, что все видят, но не считают».

— Севка, — сказали все хором.

Севка кивнул. Он не удивился.

— Четвёртый: «Испугается, но пойдёт первой».

— Это опять Поля, — сказала Вера.

— Это не я!

— Поля, ты в дом пошла первая.

— Я за Машей пошла.

— Все шли за Машей. А ты шла первой из тех, кто боялся.

Поля задумалась и вдруг успокоилась.

— Ладно, — сказала она. — Это обо мне.

— Пятый: «У него карманы-склад».

Все посмотрели на Гришу.

— У меня есть, — сказал Гриша.

— Шестой: «Лёшка Гуцин. Ушёл и не вернулся».

Лёшка поднял руку.

— Я никуда не уходил.

— Тут так написано.

— Значит, тут написано неправильно.

— Или, — сказала Маша очень ровно, — тут написано про другого Лёшку Гуцина.

Все замолчали.

— Сколько у нас Гуциных? — спросил Гриша.

— Севка, — сказала Маша.

Севка уже считал.

— В Сосновке четыре семьи Гушиных, — сказал он. — У них двенадцать человек. Из них двое Лёшки: наш и тот, который живёт на Виноградской и ему шестьдесят два года.

Лёшка посмотрел на листок.

— Шестьдесят два, — сказал он. — У меня ещё есть время.

— О нём тоже надо будет узнать отдельно, — сказала Маша. — Потому что «ушёл и не вернулся» — это не «я у тебя в клубе». Это что-то плохое.

— Не обязательно плохое, — сказала Поля. — Может, он просто обиделся.

Ромка сидел в самом углу, на ящике, и держал в руках круглый значок.

Он до сих пор молчал.

— Ромка, — сказала Маша. — Ты что-то знаешь.

— Я не то чтобы знаю.

— Ромка.

Он поднял голову.

— Этот листок. «Лёшка Гушин. Ушёл и не вернулся». — Он повертел значок. — Я уезжал два года назад. Мама тогда говорила: «Ты вернёшься». А я не вернулся. И письма я не писал. То есть писал, но не отправлял.

— Это другие вещи, — сказала Вера.

— Для меня не другие.

Поля подошла и села рядом с ним.

— Ромка, — сказала она. — А почему тогда листок про тебя, а на нём Лёшка?

Ромка посмотрел на неё.

— Вот это, — сказал он, — хороший вопрос.

И тогда Маша сказала:

— У нас есть одна версия, и я её сейчас скажу, и все будут злиться.

— Не надо, — сказала Вера.

— Надо. — Маша стояла очень прямо. — Первая версия: Ромка всё это подстроил.

В сарае стало тихо-тихо. Даже Бублик перестал жевать.

Ромка медленно поставил значок на стол.

— Слушаем, — сказал он.

— У тебя был ключ. — Маша говорила быстро, будто торопилась сказать всё до того, как передумает. — У тебя была фотография. Ты приехал за три дня до того, как к нам пришёл. Ты ночью ходил вокруг дома. Ты знал про окно. И ты пришёл к нам не с вопросом, а с готовым делом.

— И что?

— И то, что всё в этой комнате мог расставить ты. — Маша показала на листки. — Ты два года жил в городе, ты знал, что мы без тебя остались шестеро. Тебе надо было войти и снова стать седьмым.

Ромка смотрел на неё и не злился. Это было самое неприятное. Он не злился. Он смотрел, будто проверял, действительно ли она это сказала.

— И зачем мне тогда стулья? — спросил он. — Если мне надо было стать седьмым, я бы просто пришёл и стал. Как ты и сказала на первом собрании.

— Не знаю. Может, тебе была нужна игра.

— Игра, — повторил Ромка. — Стулья, листки, старики, которые ходят с фонарями возле дома. Ты правда думаешь, что я всё это придумал?

— Я думаю, что ты очень похож на человека, который придумал.

— Маша, — сказал Лёшка.

— Что?

— Вторая версия.

Маша обернулась.

— Есть вторая, — сказал Лёшка. — Если мы сегодня будем спорить только про Ромку, мы ничего не найдём. У нас есть улика.

Он взял два листка и положил рядом.

— Смотрите. Пятый: «У него карманы-склад». Шестой: «Лёшка Гушин. Ушёл и не вернулся».

Все смотрели и не понимали.

— Ну?

— Смотрите на буквы, — сказал Лёшка. — Пятый листок написан о Грише. Шестой — про меня. Но они написаны не одинаково.

— Все одинаково.

— Нет. — Лёшка пододвинул лампу. — Смотрите. Вот «Лёшка» — «ё» с двумя точками. А ниже в слове «Гушин» нет твёрдого знака, тут так и надо. Но вот «карманы» — посмотрите, на первом листке карандаш идёт вниз. А на листке про меня он идёт ровно.

Маша наклонилась.

— Ты прав, — сказала она. — Тут разные руки.

— Или одна рука в разные дни.

— Ещё что?

— Ещё вот. — Лёшка перевернул листок. — Бумага. Она не из тетрадки. Это старая писчая бумага, толстая, с сеткой. Такая была у деда Гриши.

— У деда Гриши, — сказал Гриша, — такая лежит в сундуке. На досках, которые крышка. Он её берёт, чтобы письма писать.

— Ну вот. Значит, человек, который писал, взял бумагу из сундука старого человека.

— Или у него своя такая же, — сказал Тимка. — Она у всех была одинаковая. Это же писчая.

— Опять мимо, — сказал Лёшка.

— Тогда давайте по-другому, — сказала Вера. — Все посмотрите на имена.

Все посмотрели на имена.

— Тут два имени, — сказала Вера. — «Лёшка Гушин» и... — она подвинула листки. — И всё. Остальные без имён.

— И что?

— А то, что вот тут, — Вера ткнула пальцем туда, где на краю шестого листка стояла стёртая карандашная пометка, — тут что-то стёрли.

— Дай, — сказала Маша.

Она поднесла листок к свету. Потом к самой лампе. Потом наклонила.

— «Пишет без твёрдого знака», — прочитала она. — «Не тот. Спросить у старика».

Все молчали.

— Это его заметка, — сказала Вера. — Он сам себе написал.

— «Не тот», — повторила Маша.

— Значит, он сначала думал, что это Лёшка. А потом понял, что не тот.

— То есть он нас не знает, — сказал Тимка.

Все обернулись к нему.

— Тимка, — сказала Маша медленно. — Тимка, повтори.

— Он нас не знает. — Тимка поднял палец. — Смотрите. «Дверь, которую не заперли». Это же про меня, да? Про меня. Но он не написал ни моего имени, ни «тот, кто в клубе чинит всё». Он написал так, будто... будто знает что-то одно.

— Что ты чинишь?

— Нет. — Тимка замотал головой. — Не так. Он написал не то, что мы о себе говорим. Он написал то, что можно узнать с чужих слов.

Лёшка сел и медленно потёр лицо.

— Вот это уже похоже на правду, — сказал он. — Все наши приметы кто-то рассказал. А имена он перепутал.

— Кто мог рассказать? — спросила Поля.

— Кто-то из взрослых. — Маша обвела всех глазами. — Кто-то из взрослых, кто нас любит и кто знает, что мы клуб.

— Пал Палыч, — сказала Вера.

— Пал Палыч за нас летом варил уху, — сказала Маша. — Он бы сам всё нам рассказал.

— Митрич, — сказал Гриша.

— Митрич в прошлом году чуть не пострадал от того, что мы его не поверили, — сказала Маша. — Он бы тоже не стал.

— Петровна, — сказала Поля.

Все посмотрели на неё.

— Петровна, — сказала Поля. — Она всем всё рассказывает.

Лёшка засмеялся.

— Петровна, — сказал он. — Это же гениально. Петровна знает всё про всех. И она рассказывает это всем, кто спрашивает.

— А кто спрашивает? — спросила Вера.

В сарае стало очень тихо.

— Тот, у кого есть трость, — сказал Севка.

— Севка!

— Ну он же с тростью. И он старый. И его видел Ромка. И он приносил маме свёрток. — Севка смотрел в лицо Маши. — Он спрашивал Петровну. А Петровна рассказывала. А он записывал.

— И перепутал Лёшку, — сказал Лёшка, — потому что Петровна, когда говорит, за собой не следит.

— Эй, — сказала Вера. — Это и вправду про Петровну.

Ромка встал.

Он встал первый раз за весь вечер.

— Маша, — сказал он. — Я не расставлял стулья.

— Я знаю.

— Ты только что говорила, что я.

— Я говорила версию. Версию надо сказать, чтобы её проверить. — Маша посмотрела на него. — Я её проверила. Не сходится. Ты бы не перепутал Лёшку.

— Спасибо.

— Не надо спасибо. Просто сходится не сходится, а не обижайся не обижайся.

Ромка смотрел на неё и вдруг улыбнулся.

— Ты стала злая, — сказал он.

— Я стала нормальная.

— Это одно и то же.

— Ладно. — Маша стукнула ложкой по кружке. — Слушаем план.

Гриша вытащил листок.

— Первое, — сказала Маша. — Мы не бегаем за стариком. Он ходит быстро для своих лет, а мы ещё быстрее, но это ничего не даёт: он знает тут каждый угол.

— У нас же собака, — сказал Гриша.

— У нас собака, которая сегодня проспала самое интересное.

— Идём к Петровне, — сказала Вера.

— Да. Идём к Петровне и спрашиваем, кто из нашего посёлка спрашивал про клуб.

— Она не скажет.

— Скажет. — Маша улыбнулась. — Ей будет приятно, что с ней советуются по-взрослому.

— Второе? — спросил Гриша.

— Второе. Идём к бабе Нюре.

— Кто это?

— Соседка напротив дома, — сказала Маша. — Пал Палыч сказал: живёт сто лет, всех знает, никого не любит.

— Зачем она нам?

— Потому что она живёт напротив. Если старик ходит в этот дом, она его видит.

— Третье?

— Третье. — Маша помолчала. — Мы смотрим, что написано на седьмом листке, а там ничего не написано.

— Пустой листок, — сказала Поля.

— Пустой листок. И у нас есть значок без шнурка.

— И что?

— И то, что нам кто-то очень настойчиво говорит, что в клубе есть восьмой.

Бублик поднял голову.

— А может, — сказал Гриша очень медленно, — это собака.

Все посмотрели на Бублика.

Бублик посмотрел на всех и положил голову на лапы.

— Нет, — сказала Поля. — Он не согласен.

Утро выдалось туманное.

Туман стоял по пояс, и в нём были видны только крыши. Севка шёл и считал: двадцать шесть домов до магазина, семь луж, одна ворона.

— Ты каждый день считаешь, — сказала Вера.

— Каждый день по-новому.

— И зачем?

— Чтобы не забывать, как считать, — сказал Севка. — Если долго не считать, потом начнёшь ошибаться.

Петровна стояла за прилавком и выкладывала конфеты «Ромашка».

— О, — сказала она. — Все. В полном составе, — она пересчитала, — одна, две, три... восемь? — Она нахмурилась. — Ромка? Это ты, что ли?

— Здравствуйте, Петровна.

— Смотри ты, вырос. — Петровна вытерла руки о фартук. — Ты чего пришёл?

— У нас дело, — сказала Маша.

— У вас всегда дело. — Петровна облокотилась на прилавок. — Ну? Гипс? Краска? Гвозди?

— Нет. Мы хотим спросить, кто из нашего посёлка расспрашивал про наш клуб.

Петровна выпрямилась.

— Это вы почему?

— Потому что к нам в сарай приходят листки, на которых написано про нас, — сказала Маша. — А в них ошибка. Значит, писал человек, который знает нас с чужих слов.

Петровна долго смотрела на неё. Потом села на табурет у прилавка, и было видно, что переполох в её жизни бывает редко, но когда бывает, она садится.

— Ох, — сказала она. — А я ведь правда рассказывала.

— Что рассказывали?

— Про вас. — Петровна развела руками. — Ну а что? Меня спрашивают, я и рассказываю. Всем рассказываю, это не секрет. У нас же весь посёлок про вас знает, про фонари-то.

— Кто спрашивал? — очень мягко сказала Вера.

Петровна подумала.

— Старик. — Она нахмурилась. — Тот, с палкой. Он ходит иногда на рынок за семечками и заходит ко мне. Раньше заходил чаще, теперь реже.

— Как его зовут?

— Вот хоть убей. — Петровна покачала головой. — Все его зовут Фёдор Ильич, а фамилию я не знаю.

Дети переглянулись.

— А что он спрашивал? — спросила Маша.

— Всё. — Петровна даже руками показала. — Сколько вас, кто в клубе главный, есть ли у вас пароль, какой у вас значок, какая собака, что вы едите, где собираетесь.

— И вы рассказали?

— А что я, секретов, что ли, храню? — Петровна оскорбилась. — Про вас весь посёлок после прошлого лета рассказывал. Вы сами себя прославили.

— Спасибо, — сказала Вера.

— Не за что. — Петровна вздохнула. — Только я вам вот что скажу. Он однажды спросил меня: «А сколько у них значков?» Я говорю: семь. Он говорит: «А детей сколько?» Я говорю: шесть и собака. Он тогда долго на меня смотрел и говорит: «Стало быть, седьмой значок свободен».

Все замолчали.

— «Стало быть, седьмой свободен», — повторила Маша.

— Ну я тогда ещё удивилась. — Петровна вдруг понизила голос. — Я его спрашиваю: «А зачем тебе?» А он мне: «Мне не мне. Мне — дому».

Дети вышли на улицу и остановились у крыльца.

— «Мне не мне. Мне — дому», — прочитал Тимка. — Это что значит?

— Это значит, что человек не в себе, — сказала Вера.

— Или что он говорит не про себя, а про дом, — сказала Маша. — Как про живое.

— Как про живое, — сказала Поля и взяла Бублика на руки. — Мне это не нравится.

— Мне тоже, — сказал Ромка.

Тимка посмотрел на них и вдруг сказал:

— Я понял, чего я не понял.

— Чего?

— Мы всё думаем, что он что-то делает с нами. — Тимка показал в сторону дома. — А он, может, делает это с домом. И мы ему просто нужны, чтобы он вышел из дома.

— В смысле?

— В смысле, что дому нужны люди, — сказал Тимка. — Не знаю. Как-то так.

Бублик на руках у Поли вдруг зарычал.

Все обернулись.

К магазину подъехала машина. Большая, белая, чистая, и в ней играло радио.

Из машины вышел человек в чистой куртке, в чистых очках и с папкой. Он огляделся, нахмурился, посмотрел на магазин, потом на детей.

— Скажите, пожалуйста, — сказал он вежливо. — Как пройти к дому Коростелёва?

— Зачем вам? — спросил Гриша.

— Оценить. — Человек улыбнулся. — Хозяин просил оценить.

— А кто хозяин? — спросила Маша.

Незнакомец поправил очки.

— Племянник хозяина, — сказал он. — Поздно, но всё же. Теперь дом будет продаваться.

Глава 6. Баба нюра

Баба Нюра жила в доме напротив, через дорогу, и её двор был единственным на Заводской, где что-то росло.

Росло много: георгины, капуста, три куста крыжовника и одна яблоня, у которой нижние ветки были подвязаны, чтобы не мешали ходить. На верёвке сушилось бельё, и бельё было такое белое, что резало глаза.

— Она злая, — сказала Поля шёпотом.

— Она просто старая, — сказала Вера.

— Это одно и то же?

— Нет.

— А почему тогда все говорят «злая»?

— Потому что она кричит, — сказал Гриша. — Я слышал, как она кричала на почтальона.

— За что?

— За то, что он газету в лужу бросил.

Поля подумала.

— Это не злая, — сказала она. — Это справедливая.

— Вот и я говорю, — сказал Гриша.

Калитка была на крючке. Маша постучала. Никто не ответил. Она постучала ещё раз, громче.

Из-за дома вышла женщина в мужской куртке, в резиновых сапогах и с таяпкой в руках.

Она была маленькая, сухая, с лицом, на котором каждая морщина шла в свою сторону и ни одна не улыбалась. Она посмотрела на детей, потом на Бублика.

— Такса, — сказала она. — Хорошая.

Бублик вильнул хвостом.

— Здравствуйте, — сказала Маша. — Мы к вам.

— Вижу, что ко мне. — Баба Нюра поставила таяпку к стене. — Соседский дом смотреть приходили?

Все вздрогнули.

— А вы откуда знаете? — спросил Тимка.

— У меня окна на ту сторону. — Баба Нюра кивнула на дом напротив. — Вчера в семь у меня свет в зале не горит, я сижу в темноте. А они там ходят, светят.

— Мы светили тихо, — сказал Гриша.

— Тихо — это когда по одному.

Поля восхитилась.

— А вы не боитесь? — спросила она.

— Я с сорок третьего года ничего не боюсь, — сказала баба Нюра. — Проходите. И собаку ведите, только чтоб не гадила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.